

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 4, Is. 2, pp. 88-99, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.4.88
www.ejournal20.com

UDC 1

Rules of Philosophizing

Feliks V. Lazarev

Crimean Federal University, Russian Federation
Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: fellazarev@rambler.ru

Abstract

Philosophy is love of wisdom. Love is the desire of possessing anything. Wisdom is knowledge of the Universe. Philosophy is the desire to have knowledge about the Universe. Knowledge of the Universe is a way to knowing the truth. Knowledge of the truth is a way to liberation from dependency of the material world. Are there any general rules of philosophizing ultimately expressing the essence of the method of rational development of the world? The rules, which will help to pass through mentioned above so interesting chain. If you look closely at the experience of theorizing in the history of ideas, then such rules can be singled out and formulated in the form of certain methodological requirements. The analysis shows that many of the requirements of such kind are the result of that type of philosophical reflection which is applied in a particular case.

These rules differ from the logic rules and belong to the sphere of relationships between subject and object. Categorical rule is that you need to identify a specific problem and indicate a field of categorical discourse and then throw a fixed net of categories. Discursiveness rule involves a selection of such discourse where the author throughout the whole study has strictly to keep to its rules without replacing one discourse for the other. This will help to prevent eclectic or sophistic style of thinking. Paradoxically rule - where there is a philosophical way of thinking there is always a paradox, which provokes the subject to find a genuine novelty. Constitutive rule - this rule guides a human thought on the identification of "conditions imaginable" (Kant) of the object. Any key concept, as well as based on it sayings, anyway supposes an indication on the context.

Keywords: rules, philosophy, reflection type, categorical, discursive, constitutively, paradoxical, interval.

Объектами философской рефлексии чаще всего являются сущности, имеющие универсальный статус - «бытие», «разум», «истина», «человек», «культура», «причина» и т.п. Как в этом случае полагает и исследует объект своей мысли аналитик? Существуют ли какие-либо предельно общие правила философствования, выражающие самую суть данного способа рационального освоения мира? Если внимательно присмотреться к опыту теоретизирования в истории мысли, то такие правила можно вычлениить и сформулировать в виде отдельных методологических требований. Анализ показывает, что многие из подобий такого рода являются следствием того типа философской рефлексии, который применяется в том или ином случае. В истории философии можно обнаружить различные типы рефлексии: парадоксальный, фундаментальный, конститутивный и другие [1].

По сути, мы сталкиваемся здесь с таким уровнем размышления, который можно назвать «метафилософским». Разработка метафилософии предполагает анализ форм и типов рефлексии, а также осмысление базовых правил философствования, тех самых правил, которые задают специфически философский способ говорения о мире как особый тип рационального освоения реальности человеческим видом. Они прежде всего определяют поле конститутивности любого философского дискурса. Разумеется, они не гарантируют истинность конечного результата, но, по крайней мере, обеспечивают истинность пути, правильность направления движения мысли. Как говорил в свое время К.Маркс: истинным должен быть сам путь отыскания истины.

В отличие от правил логики, правила философствования касаются не внутреннего поля протекания мышления, а сферы взаимоотношения субъекта и объекта. Они конституируют пространство встречи «слов и вещей», условия состыковки субъективного и объективного.

1. Правило категориальности

Может ли быть рационально легитимирована претензия на истину собственно философских способов познания? Попытка ответить на этот вопрос отсылает нас к уяснению специфики философского мышления как такового. Последнее, как известно, протекает в рамках категориального развертывания объекта мысли. Поэтому первое правило заключается в том, что, исследуя ту или иную конкретную проблему, необходимо предварительно задать поле категориального дискурса. Следующий шаг — это набрасывание на предмет мысли определенной сетки категорий. Возьмем, какой-либо предмет, например, прибор для измерения температуры. Поскольку он дан нам в чувственном опыте, можно сказать, что он есть некоторая эмпирическая вещь, некоторая качественная определенность в пространстве и времени, обладающая теми или иными свойствами. Данная вещь есть целое, имеющее конкретные части, есть система со своими элементами и т.д.

Приступая к исследованию, необходимо определить категориальный статус объекта мысли, т. е. выявить, является ли он вещью, свойством или отношением, дан ли он актуально, выступает ли он одновременно в двух, трех интервалах абстракции.

Далее, следует установить онтологический статус объекта. Является ли он чем-то объективно существующим или он носит идеальный характер? Как он вписан в универсальные порядки бытия? В разных философских системах онтологический статус одной и той же категории может быть различным. Так, Беркли определял «вещь» как совокупность ощущений субъекта, материалисты же рассматривали ее как нечто материальное.

Полагание объекта как сущности, имеющей категориальное содержание, возможно двояким образом. Первый способ — взять в качестве объекта размышления ту или иную философскую категорию (бытие, причина, единичное, бесконечность и т.д.), т.е. понятие, заведомо имеющее категориальный смысл. Кроме того, необходимо выделить несколько категорий, с помощью которых мы определяем нужный контекст рассмотрения, т.е. от объекта переходим к предмету. Так, Гераклит в качестве объекта рефлексии берет бытие и рассматривает его в контексте диалектики устойчивости и изменчивости, вместе с тем, он обращается (чаще неявным образом) к категориальной связке чувственного и умопостигаемого.

Второй способ полагания объекта мысли в рамках категориальной рефлексии заключается в следующем. В принципе в качестве объекта размышления можно взять любую вещь, явление, феномен — «массовую культуру», «коммуникацию», «игру», «любовь», «информацию», «текст» — и рассмотреть этот феномен в более широком, обобщенном смысле. Например, под понятием игры иметь в виду не только детские игры, но и игры в спорте, в театре, в научном сообществе, в политике и т.д. Затем следует придать выбранному феномену некий онтологический смысл. Например, рассмотреть ту же «игру» или «разум», «волю» не только как свойство человека, но и как всемирно-исторический и даже космический, мировой феномен. Так, у Гегеля ключевым понятием выступает «мировой разум», у Шопенгауэра человеческая воля превращается в абсолют, в первоначало Вселенной.

Итак, философская аналитика начинается с выделения ключевых для данного исследования категорий (материальное-идеальное, объект-субъект, сущность — существование

и т.д.). При этом исследователь явно или неявно руководствуется определенным толкованием природы категорий. Например, он должен ответить для себя, являются ли категории чем-то абсолютным или относительным, присущи ли они только субъекту или имеют объективный онтологический статус и т.п.? Определенное толкование природы категорий влечет за собою соответствующие выводы в решении конкретных вопросов относительно объекта рефлексии. Так, при исследовании категории бытия Парменид выстраивает следующую цепочку рассуждений. Бытие по определению – это то, что есть, а небытие – это то, чего нет. Следовательно, мы можем высказать суждение: «Бытие есть, небытия нет». Но если бытие – это то, что есть, то нелогично, например, говорить, что бытие было, но теперь исчезло, перестало быть бытием. Поэтому бытие неизменно, вечно, всегда равно самому себе. Логика рассуждений Парменида основывается на предпосылке, что бытие – абсолютно и поэтому оно абсолютно противостоит небытию. Но абсолютность бытия в контексте размышлений философа проистекает из более общей посылки – из толкования любых категориальных оппозиций как абсолютно противостоящих друг другу. Что касается того, что тезис Парменида об отсутствии изменчивости в бытии окружающих нас вещей и явлений, противоречит нашему чувственному повседневному опыту, то здесь философ прибегает к трансдоксальному типу рефлексии: он полагает, что истина о мире достигается лишь на уровне понятий, чувства же нас обманывают.

Категории – это наиболее общие концептуальные сечения реальности. Каждая категориальная связка задает определенный срез (интервал) универсума. Тот или иной классик философии, беря какую-то пару категорий за основу, за отправной пункт построения своей системы, во-первых, конструирует соответствующую модель бытия (напр., категории «единое-многое» дают основание для построения таких моделей, как монизм, дуализм, плюрализм, дополнительность), во-вторых, разрабатывает свою собственную философскую концепцию. Например, если взять такую пару, как «материальное-идеальное», то мы можем обнаружить, что на основе этой связки категорий исторически сформировались такие течения, как материализм, идеализм, дуализм (как компромиссный вариант). Каждое из этих течений не только предлагает свою модель мира, но и решение всех традиционных философских вопросов, исходя из определенного решения «основного вопроса философии» – «что первично?». Однако аналогичная ситуация возникает и в том случае, если мы возьмем другую пару категорий, например, «единичное-общее». В средневековую эпоху все философы разделились на номиналистов, реалистов (платонистов) и концептуалистов (компромиссная версия), в зависимости от того, как они толковали онтологическую природу общего (универсалий). Можно сказать так: в ту эпоху «основным вопросом философии» был вопрос: «что первично – единичное или общее?». Что из чего выводится, что берется за основу?

Итак, мы видим, что учение о категориях следует понимать в более широком методологическом контексте. Дело не в том, как формально трактовать смысл той или иной пары категорий, способы ее функционирования в культуре, в языке, познании. Важнее то, что категории служат основанием для самой концептуальной возможности появления тех или иных философских школ и направлений. Философ берет ту или иную пару категорий и через ее призму рассматривает всю философскую проблематику, тем самым категориальная связка выступает в качестве конститутивной предпосылки построения системы, задавая особый смысловой горизонт, некую интеллектуальную перспективу видения природы, истории и человека [2].

2. Правило дискурсивности

Культура философствования предполагает не только освоение искусства оперирования категориями, но и способность фокусировать внимание на используемом дискурсе. Если для специалиста в области частных наук парадигма и конкретная методология исследования, как правило, как бы а priori определена и ему остается только обозначить методику исследования, то для философа выбор того или иного дискурса (как вербально артикулированной формы развертывания мысли и рационально организованной объективации ее содержательных интенций) является неприменным условием начала исследовательской работы. Для классических форм философствования дискурс неотделим от категориальных определений объекта, выражая его имманентную логику и автохтонный

смысл. Поэтому выбор дискурса должен быть осуществлен с особой тщательностью. Однако в реальных дискурсивных практиках мы часто наблюдаем совсем другую картину. Выбор используемых способов аналитики чаще всего не сопровождается должной саморефлексией, что существенно снижает профессиональный уровень получаемых результатов.

Трудности с определением дискурса часто связаны с фактом многоуровневости философской методологии. Так, если при категоризации предмета мысли исследователь исходит из того, что «вещь» - это «комплекс ощущений» субъекта, то тем самым явно или неявно задана субъективно-идеалистическая методология. При этом уже не так важно, использует ли автор системный, структурный или какой-либо другой подход, ибо это уже вопрос второго плана. Очевидно, что выбирая тот или иной дискурс, автор должен на протяжении всего исследования неукоснительно придерживаться его правил, не подменяя один дискурс другим. Только так можно избежать эклектического или софистического стиля мышления. Это не должно, однако, исключать подлинной новизны мысли, т. е. спонтанного развертывания креативного потенциала автора. Последний должен постоянно находиться в ситуации «лицом к объекту», слушать голос самого объекта, не навязывая ему свои концептуальные схемы.

В методологических работах широко используются такие понятия, как «дискурс», «подход», (например «исторический подход», «системный подход»), «метод» (например, «дедуктивный метод», «сравнительно-исторический метод»), «методология» (например, «методология эмпиризма», «диалектическая методология»). Между тем бросается в глаза тот факт, что в литературе отсутствует более или менее четкое разграничение этих понятий.

В то время как дискурс есть форма артикуляции знания в культурной традиции, подход как методологический концепт означает акцентированное применение той или иной группы философских или общенаучных категорий при анализе исследуемого объекта. Что означает, например, системный подход? В узком смысле слова — это есть способ постижения исследуемого объекта, рассматриваемого как система. Данный подход ориентирует ученого на раскрытие целостности и внутренней расчлененности объекта, на исследование многообразных типов связей целого с окружающим миром, на выявление изоморфизма в поведении объектов в разных сферах природного и социального мира. Другими словами, когда мы говорим о том или ином подходе, речь идет о том, что объект рассматривается под углом зрения некоторой связки категорий с точки зрения их ключевой роли для данного исследования. Так, в языкознании в XIX веке господствовал исторический подход, нацеливавший ученого на изучение языка в диахронном, сравнительно-историческом плане, с точки зрения его культурной эволюции, с учетом многообразного взаимовлияния различных языков, культур, тенденций словообразования и т.д. В XX в. Ф. де Соссюр предложил применить к изучению лингвистической реальности принципиально другую оптику — перейти от диахронного к синхронному анализу, к видению языка как устойчивой структуры, имеющей определенные функции.

Когда речь идет о «методе», то акцент с категориального уровня переносится на способ достижения того или иного познавательного результата. Метод связан с заранее установленной последовательностью когнитивных действий и логических процедур с целью решения поставленной познавательной или практической задачи. Поэтому «подход», как правило, предшествует «методу». Другими словами, если подход развернут как теоретическое целое, т.е. включает в себя способ концептуальной разверстки изображаемого объекта исследования, то мы можем говорить о методе[2].

В этой связи можно вспомнить о структурном подходе, в основе которого лежало обращение исследователя к категории структуры как совокупности устойчивых связей объекта и многоуровневых отношений между элементами целого, которые остаются инвариантными при разнообразных изменениях и трансформациях. Структурный подход породил разные версии структурного метода при его применении в лингвистике, психологии, культурологии. Так, Леви-Строс применил методы структурной лингвистики к исследованию бессознательных культурных образований в первобытных обществах. Он стал вычленять так называемые бинарные оппозиции (природа-культура, животное-растительное, мужское-женское и т.д.). Феномены культуры стали рассматриваться как «языки», как системы, внутри которых происходит обмен сообщениями.

Каково же соотношение между понятиями «метод» и «методология»? Если метод — это способ концептуально-логического развертывания исследуемой проблемы, то методология — это тип рефлексии, направленный на осмысление, критический анализ и конструирование тех или иных методов. В общем случае методология выступает как «учение о методе». По широте охвата методология бывает трех уровней — философская, общенаучная и частнонаучная.

3. Правило парадоксальности

Философское мышление начинается с обнаружения, вскрытия парадоксальности объекта мысли — будет ли это «мир мнений» повседневного сознания, диалектика какой-то пары категорий (изменчивость-устойчивость, часть-целое, абсолютное-относительное), противоречивость движения (апории), противоречивость бытия человека и т.п. Парадокс всегда таит в себе невысказанное пространство смыслов, провоцирующее субъекта на поиск подлинной новизны. Человеческая мысль поэтому не успокаивается на парадоксе, она озабочена тем, чтобы этот парадокс разрешить, выразить проблему в рамках рациональности, найти новые горизонты для своего развертывания и обретения скрытых смыслов.

Где и как искать эти смыслы? Откуда их можно извлечь, выявить, реконструировать? Вытекают ли они из имманентной логики вещей или кроются в глубинах сознания? Постметафизическая стратегия философствования, отвергая установку на поиск оснований, на движение познания вглубь сущностного слоя бытия, фокусирует внимание на креативных возможностях парадоксальной рефлексии. С точки зрения постмодернизма, категориальный статус вещи вторичен, первично же нечто неопределенно-хаотичное. Отсюда, любая специфическая предметность, равно как и мир в целом, не столько «вещь», «качество», «структура», сколько «хаос». Бытие последнего не может, очевидно, предполагать какой-то один вариант обретения смысла. Поэтому абсурд, нонсенс как исходная точка дискурсивного процесса противостоит не смыслу в его определенности и окончательности, а смыслу как непроявленной, но богатой в себе многомерности.

На протяжении столетий философы пытались как-то интерпретировать антиномичность, видя ее исток либо в субъекте (Кант), либо в структуре бытия (Гегель) и т. д. Кант, выстраивая свою философско-методологическую конструкцию, ставит перед собой цель избавиться от антиномий. Гегель, напротив, делает противоречие принципом диалектического мышления. Исследуя парадоксальность, мы сталкиваемся с двумя аспектами: парадокс мысли (логико-гносеологический аспект) и парадокс объекта (онтологический аспект).

Как же использовалось правило парадоксальности в истории философской мысли? Рассмотрим этот вопрос на примере категории разума. Как двигалась философская мысль в поле парадоксальной рефлексии, когда она обратилась к такой категории, как разум? Анализ начинается здесь с вскрытия факта антиномичности данного феномена. Разум как объект парадоксальной рефлексии (основная антиномия разума).

Если фундамент любой формы рациональности — непротиворечивость, и, тем не менее, разум в определенных случаях неизбежно оказывается в тисках противоречий, сталкиваясь с так называемыми антиномиями, парадоксами, апоориями, то отсюда следует как бы неразрешимая эпистемологическая и логическая ситуация. Антиномии были открыты Кантом, позднее в XIX–XX вв. — в физике и математической логике были обнаружены парадоксы. Версия Канта в отношении антиномичности состояла в том, что следует ограничить разум с точки зрения его универсальной применимости. В компетенцию разума (чистого разума) входит лишь мир конечного. Мир же как целое и как бесконечное выносится за скобки объекта познания. Таким образом, онтология делится на две части — на сферу конечного и бесконечного. Вводя в процессе рассуждения онтологический уровень обоснования, Кант тем самым обращается к резервам фундаментальной рефлексии.

Гегель предлагает другое решение вопроса: он отказывается от универсальности первой посылки (закон противоречия). Поэтому не следует бояться противоречий, ибо последние укоренены в самой природе вещей. Напротив, рассмотрение всего сущего в его противоречивости и есть подлинное применение разума (в отличие от рассудка, который связан с миром конечного).

Кант с предельной четкостью высветил ситуацию, связанную с понятием антиномии. И все же не довел рефлексию над этим вопросом до конца, ибо не увидел здесь фундаментальную апорию самого разума, самой рациональности. Кант обнаружил антиномии разума, но не заметил антиномию самого разума. Дело ведь не только в том, что в процессе познавательной деятельности разум иногда сталкивается с предметными противоречиями конкретного типа, которые возникают в мышлении с необходимостью (противоречия в мышлении не как логическая ошибка, а именно как антиномии). Дело не в наличии антиномий, а в том, что разум не знает, как их разрешать (в рамках принятого типа рациональности). Но одновременно он, если он хочет оставаться разумом, должен уметь их разрешать. Кант предлагает гносеологическое решение проблемы: вывести антиномии за скобки сферы познаваемого и тем самым за скобки рационального вообще. Таким образом, онтология делится на две части — познаваемую и непознаваемую. В конечном счете, однако, оказывается, что лишь «непознаваемая онтология» («вещь в себе») есть онтология в полном смысле слова, а «вещь для нас» есть лишь «картина мира», мир явлений, как он открывается познающему субъекту. Кант открыл антиномии на предметном уровне, но не ставит вопрос на метауровне (хотя грань между тем и другим часто оказывается еле уловимой). Причина такого положения дел кроется в том, что Кант, постоянно исходя из постулата непротиворечивости разума, не формулирует ее как явную посылку своих рассуждений. Отсутствие требования непротиворечивости как явной посылки и приводит к тому, что Кант не формулирует особо факт антиномичности самого разума. Отсюда вытекает и смысл задачи, которую ставит перед собой и решает философ. Он не решает антиномию разума, а решает, что делать с теми антиномиями, которые встречаются на пути разума. При этом он предполагает решение проблемы, как отмечалось, на гносеологическом уровне [3].

Гегель более четко осознает важность первой посылки во всей системе рассуждений, и он решает ее отбросить, меня таким образом сам тип рациональности. Гегель сознательно переносит всю проблему на метауровень, ибо устраняет посылку, которая возникает лишь при формулировке вопроса на метауровне. Антиномия разума не в том, что мир конечен и бесконечен, а в том, что разум должен быть непротиворечивым и одновременно сталкивается с неразрешимыми противоречиями.

Следует отметить, что гегелевская легитимация противоречивости разума вызвала серьезную критику у многих философов; не нашла она поддержки и в практике науки того времени. Позднее другой философ С. Кьеркегор предложил вариант так называемой качественной диалектики, согласно которой тезис и антитезис не сливаются в синтезе, а как бы относятся к разным качественным целостностям, так сказать, к разным мирам, между которыми нет непрерывного перехода, а существует некий онтологический разрыв, и может быть, даже бездна. Так, например, мышление и бытие суть противоположности, но как бы ни сближались они, между ними всегда остается качественная граница.

В XX в. оригинальные идеи в осмыслении проблемы антиномий вообще и антиномичности разума, в частности, мы встречаем у известного русского философа С.Л. Франка. Для анализа природы антиномичности как коренной философской проблемы последний предложил специфический метод «трансцендентального мышления», направленный на осмысление особых встречающихся в познании ситуаций, когда познающий субъект имеет дело со специфической сферой реальности, например, в виде непосредственного «самобытия». Эту сферу Франк называет трансрациональной, ибо она непостижима средствами обычной логики и невыразима в рациональных понятиях. Наше мышление схватывает такого рода реальности в их трансрациональном непостижимом существе, прибегая к форме антиномии. Последняя, выступает как антиномистический монодуализм, в частности, как единство раздельности и взаимопроникновения. Примером такого монодуализма может служить отношение между Богом и миром, между Я и Ты и т.п. Трансрациональная, антиномическая сфера бытия, будучи рационально непостижимой, является нам как откровение внутренней структуры реальности как таковой.

Интервальный подход основан на ином варианте решения исходной антиномии разума. Универсальность первой посылки сохраняется. (Это — от Канта); сохраняется вторая посылка о неизбежности в познании противоречий — антиномий. (Это в соответствии и с

Кантом, и с Гегелем). Третий тезис представляет собой разрыв с Кантом и согласие с Гегелем: антиномии разума не только неизбежны, но и имеют позитивную природу, они являются — там, где они неизбежны, нормой рационального познания. Но четвертый тезис порывает не только с Кантом, но и с Гегелем, ибо связан с принципиально другим способом разрешения антиномий: противоречия антиномического типа не легализуются в мышлении (как у Гегеля), а устраняются благодаря усмотрению того, что они в сущности относятся к такому типу построений, в котором одна часть входит в одно логическое пространство, а другая часть — в другое. Усмотрение того, что мы имеем дело с разными онтологиями и соответственно с разными логическими универсумами рассуждений и есть интервальное решение основной антиномии разума. Но одновременное существование разных онтологий возможно лишь при условии, что мы принимаем метафизический тезис (пятый) о многомерной природе мира. Принятие такого способа решения антиномий и означает введение новой эпистемологической реальности — многомерного разума в рамках интервального типа рефлексии [4; 5; 6].

Осознание способов решения основной антиномии разум в рамках критической философии Канта означало введение такого гносеологического феномена как критический разум. Осознание способов решения основной антиномии разума в рамках диалектической философии означало введение диалектического разума (Гегель). Наконец, осознание способов решения основной антиномии разума в рамках интервальной философии означает введение интервального разума.

Итак, правило парадоксальности предполагает следующую последовательность познавательных действий: 1) вскрытие парадоксальности объекта рефлексии, 2) решение вопроса: каков исток, корень, причина парадоксальности, проистекает ли она из самой сущности вещей или из особенностей субъекта или имеет еще какой-то другой источник, 3) раскрытие того, каковы условия мыслимости противоречия, как можно рационально мыслить парадокс, как мы можем его преодолеть, 4) раскрытие конкретной сложности, внутренней противоречивости, многоуровневости самого объекта исследования, выявления той объективной диалектики, внешним выражением которой выступает формально сформулированный парадокс как начало движения мысли.

4. Правило конститутивности

Данное правило ориентирует человеческую мысль на выявление «условий мыслимости» (Кант) исследуемого объекта. Каждое ключевое понятие, как и основанные на нем высказывания, так или иначе предполагает указание на контекст. Возьмем, например, такое понятие, как человек. Очевидно, что любая наука о человеке рассматривает объект исследования в своем специфическом измерении, используя набор понятий, методов изучения и решения соответствующих познавательных задач. Культурная антропология, социология, педагогика, анатомия человека и др. науки предполагают свой контекст рассмотрения. Другими словами, без фиксации конститутивного поля исследования научные понятия лишены предметного смысла, а соответствующие суждения не могут заключать в себе конкретную истину. Поэтому исследователь всегда должен обращать внимание на смыслозадающие предпосылки развертывания познавательного процесса.

Классический пример конститутивности в познании дает нам история физики. Если ученый желает изучать движение материальных тел в пространстве и времени, то он должен начать с четкого определения исходных смыслов, связанных с данной задачей. Прежде всего необходимо определить, что значит, что некоторое тело находится в состоянии движения. Если движение есть фиксируемое наблюдением изменение положения тела по отношению к другому неподвижному телу, то возникает вопрос, что считать «неподвижным телом». Трудность и парадоксальность этой задачи заключается в том, что «неподвижных тел» в природе не существует. Любое тело, в какой бы точке Вселенной мы его ни взяли, одновременно находится во многих, самых различных состояниях движения. Не решив указанный парадокс, мы не сдвинемся с места в построении механики как научной системы. Аристотелю при создании механики было проще: в те времена люди были убеждены в том, что наша Земля — абсолютно неподвижный центр. Но в эпоху Коперника, Галилея и Ньютона, когда победила гелиоцентрическая модель мира, ситуация кардинально поменялась.

Как же был разрешен названный парадокс? Первый шаг — это задание смыслопорождающей структуры. Физик-теоретик начинает свое рассуждение, принимая в расчет операционный контекст. Он берет любой удобный для него и опытно фиксируемый предмет, например, придорожный столб, и чисто конвенционально принимает его за «абсолютно неподвижное тело». Поскольку эта операция сугубо условная, иными словами, есть некое «теоретическое допущение», то это позволяет отбросить все возможные здесь вопросы относительно данного тела. (Например, «действительно ли данное тело «неподвижное»? В каком смысле оно «неподвижное»? И т.п.). Это значит, что вопросы такого рода запрещены в рамках данной теории. Затем в дело вступает математика. Указанный столб рассматривается в качестве начала одной из осей декартовой системы координат. Полученная таким образом математическая структура (путем привязки к местности) обозначается как «система отсчета». Затем в эту систему помещается наблюдатель, вооруженный линейкой, часами и другими измерительными приборами с целью проведения измерений. С точки зрения концептуальных оснований это все, что нужно физика для построения теории движения материальных тел. Отныне каждое вводимое в теорию понятие (тело, масса, скорость, ускорение, траектория движения и др.) приобретает конкретный, опытно проверяемый и метрически определенный смысл. Равным образом, однозначный и опытно верифицируемый смысл приобретает каждое высказывание о наблюдаемых явлениях. Завершающая стадия работы физика-теоретика — это формулировка правил пересчета («правил преобразования») опытных данных из одной системы отсчета в другую, а также выявление инвариантных величин и соотношений (законов природы). Больше физика ничего не надо. Теперь он может от уровня оснований теории перейти к сугубо конкретным, внутринаучным задачам.

Но там, где физик ставит точку, работа философа-методолога только начинается. Он ставит вопрос: если понятие система отсчета есть чисто искусственная конструкция нашего ума, некий субъективный «способ описания» физических явлений, то как на таком легковесном фундаменте ученым удалось построить грандиозное здание современной физики и вот уже в течение нескольких столетий им удается получать выдающиеся научные результаты в объективном исследовании физического мира? И философ начинает анализировать всю проблему заново. И здесь его внимание привлекает так называемый принцип относительности Галилея.

Галилей установил, что наблюдая за характером физических явлений, протекающих в прямолинейно и равномерно движущейся лаборатории, например, в каюте корабля, мы замечаем, что все процессы происходят в ней в точности так же, как и в неподвижной лаборатории. Находясь в каюте корабля, т. е. в ситуации «изнутри», наблюдатель в принципе не может получить информацию о своем движении «вовне» никакими физическими экспериментами. Это — фундаментальный физический факт, важнейший закон природы. Поместившись в замкнутую лабораторию с целью отыскания физических законов и абстрагируясь от всех состояний движения этой лаборатории, мы поступаем в соответствии с некоторым объективным свойством самой природы, позволяющим редуцировать все множество состояний движения лаборатории по отношению к другим телам. Природа устроена так, как будто для познания ее законов все остального вовсе и нет.

Система отсчета как экспериментальная лаборатория представляет собой физически замкнутое, герметично устроенное пространство, изнутри которого наблюдатель, как мы видим, не может своими средствами определить, движется он или нет. Позднее, уже в XX в. А. Эйнштейн показал, что такого рода система отсчета — не только замкнутое пространство, но и замкнутое время. Перед нами — своего рода мир в миниатюре, некая космическая капсула. Вопрос о ее движении для внутреннего наблюдателя не имеет физического смысла и поэтому запрещен не только конвенционально, но и в соответствии со структурой самой реальности. В итоге можно сказать, что допущение об абсолютной неподвижности, которое принимает физик в отношении системы отсчета, имеет фундаментальное онтологическое основание.

Выявив объективный аспект систем отсчета как самозамкнутых хронотопов физической реальности, философ может пойти дальше. Анализ показывает, что хронотопами являются не только системы отсчета в физике, но и многие другие природные, социальные и культурно-исторические целостности (биосфера, общество, культура,

экономика, этнос, социальная группа, семья и т.п.). В процессе познания такие хронотопы могут служить «гносеологическими системами отсчета» в социально-гуманитарных науках. (В интервальной философии такие системы принято называть интервальными ситуациями, задающими соответствующие интервалы абстракций в концептуальном универсуме той или иной теории) [7; 8].

Возвращаясь в заключение к правилу конститутивности, следует отметить, что выявление смыслозадающих предпосылок в рамках любого предметного поля анализа предполагает фиксацию концептуальных рамок движения мысли, в частности, указание на выбранную гносеологическую систему отсчета.

5. Правило интервальности

Это правило можно назвать «правилом четырех шагов», которое кратко выражает основные моменты интервальной методологии [9, 10].

Первый шаг — интервализация — задание оптики рассмотрения объекта с точки зрения конкретной научно-исследовательской задачи с помощью специально подобранной системы абстракций. Возьмем, например, такую вещь, как часы. В зависимости от того, в каком смысловом контексте мы будем рассматривать эту вещь, мы будем иметь качественно различные ее актуализации (как физическое тело — в свободном падении, как товар — в сфере рыночных отношений, как прибор для измерения времени — в сфере практического пользования, как культурно-историческая ценность — в музее и т.д.).

Каждой актуализации объекта соответствует своя абстракция. При этом корректное использование той или иной абстракции предполагает выявление границ ее однозначной применимости (интервал абстракции). В физике широко известен такой тип интервализации, как когнитивная релятивизация. Например, такие величины, как масса тела, пространство, время в классической механике являются инвариантными, а при переходе к релятивистской механике они обнаруживают свою зависимость от системы отсчета.

Второй шаг — концептуальная разверстка — отображение одного и того же исходного объекта исследования в разных мысленных плоскостях (картинах) и нахождение для него множества интервалов абстракции. При этом имеется в виду, что фиксация того или иного среза объекта предполагает погружение его в соответствующее концептуальное пространство анализа со своей системой понятий, принципов, правил дискурса. Эти системы понятий логически несовместимы между собой, но лишь взятые вместе исчерпывают всю необходимую информацию о свойствах объекта. Так, например, в антропологии исторически сложилось несколько основных дискурсов о человеке — естественнонаучный, социально-экономический, философский, религиозный.

Концептуальная разверстка может быть двух типов — поисковая и трансинтервальная. Так, перечисление сущностных измерений человеческого бытия (биологическое, социальное, культурное, экзистенциальное и др.) заведомо не являются полным, поскольку зависит от той или иной философской позиции и выражает ситуацию нескончаемого поиска сущности человека в истории мысли. В случае же трансинтервальной разверстки возможные перспективы видения объекта уже выявлены и четко зафиксированы в ходе познавательной деятельности. Например, элементарная частица имеет всего два варианта своего концептуального отображения — в виде волновой или корпускулярной картины.

Шаг третий — универсализация, т. е. теоретическое выявление при исследовании того или иного фрагмента действительности скрытых универсалий, инвариантов, устойчивых связей и отношений. Так, при создании теории относительности были релятивизированы такие величины, как масса, но при этом был выявлен новый инвариант — пространственно-временной континуум. Универсализация имеет исключительно важное значение в познавательной деятельности. М. Планк в свое время писал: «В основе так называемой теории относительности заложено нечто абсолютное; таковым является определение меры пространственно-временного континуума, и как раз особенно привлекательная задача состоит в том, чтобы разыскать то абсолютное, которое придает относительному его подлинный смысл» [11]. Удивительно, что спустя почти столетие можно сказать: в то время как о процессах релятивизации знания написаны горы книг, о проблеме универсализации нет ни одного развернутого эпистемологического исследования. Это не значит, что на эту

тему никто не размышлял. Богатый материал для философской рефлексии дает, к примеру, книга Е. Вигнера «Этюды о симметрии» [12].

Сам феномен абстракции тесно связан с понятием инварианта. Каждая разумная абстракция обладает фантастической точностью подтверждения. Как отмечает Вигнер, уравнения движения двух электронов в атоме гелия позволяют предсказывать результаты, находящиеся в согласии с опытом с точностью до 0,0000001. Мы извлекаем из наших идеальных структур нечто такое, что в них не закладывали. Научные абстракции как бы «в себе», по своему смысловому содержанию обладают фантастическим запасом эпистемологической прочности, но строго ограниченной областью однозначной применимости. Но при этом пределы их применимости (интервал абстракции) неизвестны заранее. Их приходится устанавливать. И на эту работу уходят десятки, а то и сотни лет. Так, интервал абстракции понятий классической механике был выявлен лишь в результате создания теории относительности и квантовой механики.

Приведенное выше высказывание М. Планка о том, что в процессе познания необходимо разыскивать то абсолютное, которое придает относительному его подлинный смысл, очевидно, справедливо не только для естествознания, но для социально-гуманитарных наук. Например, именно инварианты культуры являются необходимым условием самой возможности продуктивного диалога между различными народами, странами, этносами и т.п.

Четвертый шаг – концептуальная сборка – представление объекта в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и переходов между разными интервалами, образующими единую смысловую конфигурацию. Так, в классической механике одно и то же физическое событие может быть отображено наблюдателями в разных системах отсчета в виде соответствующей совокупности экспериментальных истин. Эти разные картины, тем не менее, могут образовывать некое теоретическое целое благодаря, например, правилам преобразования Галилея, регулирующим способы перехода от одной группы высказываний (внутреннего наблюдателя) к другой (внешнего наблюдателя).

Ученый, работающий в той или иной сфере знания (социолог, историк, культуролог, экономист и др.), в соответствии с требованиями научной рациональности не должен выходить за рамки предмета своего исследования. Напротив, специфика философского подхода к изучаемой реальности заключается в способности видеть и постигать предмет в его многомерности, в различных смысловых горизонтах. Возьмем такой предмет, как культура. Очевидно, что есть социологическое, историческое, собственно культурологическое измерение данного предмета. Но только философ должен иметь перед своим взором все известные измерения культуры как многомерного феномена. Его конечная цель – выстроить единую конфигурацию. При этом он должен найти свой специфический взгляд на предмет рефлексии, вскрыть онтологические, гносеологические, аксиологические и антропологические основания культурогенеза, увидеть эти основания в их единстве и т.д.

Каждое правило философствования имеет свой тип дискурса и опирается на соответствующий тип рефлексии. Кроме того, философ использует определенный «подход», метод и методологию. Например, Маркс в «Капитале» опирается на диалектическую методологию и использует «Метод восхождения от абстрактного к конкретному». Сегодня часто используют структурный подход, системный подход и т.п.

Примечания:

1. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Философская рефлексия: сущность, формы, типы // Вопросы философии и психологии. 2015. № 1. С. 4-16.
2. Лазарев Ф.В. Интервальная методология и категориальный подход к анализу познания // Труды Крымской академии наук. Симферополь. 2013. С. 5-21.
3. Кант И. Соч. в 6 т., т. 3. М., 1964.
4. Лазарев Ф.В. Методология исследования категориальных структур исследования // Труды Крымской академии наук. Симферополь. 2008. С. 44-68.
5. Лазарев Ф.В. Антиномия рациональности и понятие многомерного разума // Труды Крымской академии наук. – Симферополь: Таврия, 1998. С. 44-68.

6. Лазарев Ф.В. Ключевые понятия интервальной эпистемологии // Труды Крымской академии наук. Симферополь: Таврия, 2009. С. 19-37.
7. Лазарев Ф.В. Конститутивизм как методологическая парадигма в свете физических идей XX века // Академия знаний. Симферополь, 2010, №3. С. 4-12.
8. Лазарев Ф.В. Конститутивное мышление как концепт интервальной эпистемологии // Академия знаний. Симферополь, 2004, №1-2. С.3-7.
9. Лазарев Ф.В. Разум и мудрость в горизонте новой культурной парадигмы. Симферополь, 2004. 63 с.
10. Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966. 288 с.
11. Вигнер Е. Этюды о симметрии. М.: «Мир», 1971. 320 с.

References:

1. Lazarev F.V., Lebedev S. A. Filosofskaya refleksiya: sushchnost', formy, tipy // Voprosy filosofii i psikhologii. 2015. № 1. S. 4-16.
2. Lazarev F.V. Interval'naya metodologiya i kategorial'nyi podkhod k analizu poznaniya // Trudy Krymskoi akademii nauk. Simferopol'. 2013. S. 5-21.
3. Kant I. Soch. v 6 t., t. 3. M., 1964.
4. Lazarev F.V. Metodologiya issledovaniya kategorial'nykh struktur issledovaniya // Trudy Krymskoi akademii nauk. Simferopol'. 2008. S. 44-68.
5. Lazarev F.V. Antinomiya ratsional'nosti i ponyatie mnogomernogo razuma // Trudy Krymskoi akademii nauk. – Simferopol': Tavriya, 1998. S. 44-68.
6. Lazarev F.V. Klyuchevye ponyatiya interval'noi epistemologii // Trudy Krymskoi akademii nauk. Simferopol': Tavriya, 2009. S. 19-37.
7. Lazarev F.V. Konstitutivizm kak metodologicheskaya paradihma v svete fizicheskikh idei KhKh veka // Akademiya znaniy. Simferopol', 2010, №3. S. 4-12.
8. Lazarev F.V. Konstitutivnoe myshlenie kak kontsept interval'noi epistemologii // Akademiya znaniy. Simferopol', 2004, №1-2. S. 3-7.
9. Lazarev F.V. Razum i mudrost' v gorizonte novoi kul'turnoi paradigmy. Simferopol', 2004. 63 s.
10. Plank M. Edinstvo fizicheskoi kartiny mira. M., 1966. 288 s.
11. Vigner E. Etyudy o simmetrii. M.: «Mir», 1971. 320 s.

УДК 1

Правила философствования

Феликс Васильевич Лазарев

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: fellazarev@rambler.ru

Аннотация. Философия – это любовь к мудрости. Любовь – это желание обладания чем-либо. Мудрость – это знание об отношении к миру, объективной и субъективной реальности. Философия – желание обладать мудростью. Только знания о бытии, человеке – путь к познанию Истины.

Существуют ли какие-либо предельно общие правила философствования, выражающие самую суть данного способа рационального освоения мира? Те правила, которые помогут пройти по столь интересной цепочке, которая была поведена выше. Если внимательно присмотреться к опыту теоретизирования в истории мысли, то такие правила можно вычлениить и сформулировать в виде отдельных методологических требований. Анализ показывает, что многие из требований такого рода являются следствием того типа философской рефлексии, который применяется в том или ином случае.

Данные правила имеют отличие от правил логики: они касаются сферы взаимоотношения субъекта и объекта.

Правило категориальности заключается в том, что нужно определить конкретную проблему и задать поле категориального дискурса, после – набросить фиксированную сетку категорий.

Правило дискурсивности предполагает выбор такого дискурса, где автор должен на протяжении всего исследования неукоснительно придерживаться его правил, не подменяя один дискурс другим. Это поможет избежать эклектического или софистического стиля мышления.

Правило парадоксальности – там где присутствует философское мышление, всегда есть парадокс, который провоцирующее субъекта на поиск подлинной новизны.

Правило конститутивности – данное правило ориентирует человеческую мысль на выявление «условий мыслимости» (Кант) исследуемого объекта. Любое ключевое понятие, как и основанные на нем высказывания, так или иначе предполагает указание на контекст.

Правило интервальности включает в себя 4 шага – интервализация, концептуальная разверстка, универсализация, концептуальная сборка.

Каждое правило философствования имеет свой тип дискурса и опирается на соответствующий тип рефлексии.

Ключевые слова: правила, философия, типы рефлексии, категориальность, дискурсивность, конститутивность, парадоксальность, интервальность.